

ИУДА ПРЕДАТЕЛЬ.

(Продолжение).

Установление Христомъ Евхаристіи и Новаго Завѣта евангелисты описываютъ такъ. Мк. 26, 26—29. „И когда *пти они* (др „оны ѿли“, т. е. яства пасхального ужина, послѣ двухъ чашъ вина), *взялъ* (*λαβόν*—Самъ взялъ со стола, а не принялъ отъ другихъ—*δεξάμενος*, какъ о чашѣ у Лк., которую, размѣшивъ вино съ водою, подавали предвозложившему слуги, здѣсь ученики ср. прим. къ Лк. ниже) *Иисусъ* (нѣк. оп.) *хлѣбъ* (опрѣснокъ со стола, по однимъ *ἄρτοι*—одну изъ прѣсныхъ лепешекъ, лежавшихъ на столѣ, на блюдѣ, — по другимъ *τὸι* *ἄρτοι*—опрѣснокъ съ извѣстнымъ обрядовымъ значеніемъ, не простой, а пасхальный опрѣснокъ) и благословивъ (*εὐλογήσας* NBCD др. 33 др. мн. Лат Вг Саг Копт Эн Сир син пещ геракл на полѣ, др. *εὐχαριστήσας* А др. 1 др мн Сир геракл въ текстѣ Ор Вас Злат; первое чтеніе можетъ указывать болѣе на іудейскую формулу благословенія опрѣснокъ—ср. выше,—а второе—болѣе на христіанскую Евхаристію, причемъ дается возможность думать, что Господь сказалъ Свое благодареніе, а не іудейскую формулу: у LXX второе не употребляется,—только въ апокрифахъ) *преломилъ* (какъ того требовалъ іудейскій обрядъ пасхальный) и давъ (*δοὺς*—одни, др. *έδιδον*—сталь давать, давалъ: въ первомъ случаѣ Господь, преломивъ одинъ опрѣснокъ, отдалъ ученикамъ, чтобы они сами, взявъ хлѣбъ, раздѣлили между собою,—во второмъ—Господь Самъ раздавалъ куски хлѣба.—первое повидимому болѣе соотвѣтствуетъ *λέγετε* — возмите сами, а не примите—*δέξασθε*, хотя такое употребленіе глаголовъ не можетъ быть строго разграничено) *ученикамъ* (др. приб.

и) сказали: взымите, пьшите, это есть тело Мое (σῶμα ср. Мф 5, 29; 10, 28; 1 Кр 6, 19; 7, 34; 12, 12 др., а не σάρξ—мясо, плоть въ отличие отъ ὀστέα—кости и αἷμα—кровь ср. Лк 24, 39 Мф 16, 17 Ин 6, 54 др.,—весь живой психо-физиологический организмъ, коего нераздѣльную часть составляетъ кровь,—какъ живое и одухотворенное богочеловѣческое тѣло, въ коемъ обиталъ нераздѣльно весь Богочеловѣкъ Христосъ, ср. „Слово плоть бысть“ Ин. 1, 14, гдѣ σάρξ = σῶμα, даже = ἄνθρωπος, по его психо-физиологической сторонѣ,—въ коемъ „обитала вся полнота божества тѣлесно“ Кол 2, 19,—иначе = „это Я самъ“; оборотъ этой части мотивируется и объясняется вліяніемъ еврейского языка, такъ какъ въ немъ, какъ и въ араб. зеюп. египет. даже санскр., возвратныя мѣстоименія замѣняются описаніями посредствомъ разныхъ существительныхъ, напр. душа, тѣло, глазъ, голова, ротъ, рука, кости, внутренности, ср. Йов. 9, 21 Іер. 37, 9 Іыт. 18, 12 — 7, 13 Іис. Нав. 10, 27 Іез 24, 2 др. ср. въ Новомъ Завѣтѣ: „ядущій Моя плоть, т. е. тѣло, и пьющій Моя кровь = ядущій Меня Ин 6, 56—57,—или: „не забывтесь о душѣ вашей, т. е. о себѣ самихъ, своей жизни, что замъ пить или что пить“ Мф. 6, 25, — „положить душу свою“ = себя самого отдать на смерть Ин. 15, 13.—„распять плоть“ Гал. 5, 24). И взялъ чашу (ποτήριον κΒЕ — одну изъ стоявшихъ на столѣ предъ каждымъ участникомъ вечери,—другое — τὸ ποτήριον АСД — слѣдовавшую по чину чашу, чашу благословенія или третью, что вѣроятнѣе: эта чаша и по видѣніи могла отличаться отъ другихъ) и возблагодаривъ (εὐχαριστήσει ср. выше) далъ имъ говоря: пейте изъ нея всѣ (для объясненія этого выразительного прибавленія „всѣ—пьютъ“ можно принять во вниманіе, что по раввинскимъ предписаніямъ каждый долженъ былъ пить чашу всю безъ остатка,—притомъ вѣроятно у каждого была своя чаша,—такимъ образомъ Господь повелѣлъ всѣмъ безъ исключенія двѣнадцати апостоламъ, слѣдовательно и Иудѣ, выпить изъ этой, поданной Господомъ, одной чаши,—поэтому о хлѣбѣ это „всѣ“ было излишне: ср. Лк. διαιτερίσατε εἰς ἑαυτούς—раздѣлите между собою), ибо (причина, почему они должны изъ этой одной чаши пить непремѣнно всѣ,—впрочемъ въ Сз 9 въ и нѣк. мин. напр. 1—10 в. др. также Сир син. пеш. зе. Ир. лат. *a* и *c* опускаются) это есть кровь Моя (кровь какъ средоточіе психо-физиологической жизни, ибо по библ. возвращенію

душа или жизнь заключаются въ крови, поэтому выражение равнозначительно съ предидущимъ: „это есть тѣло Мое“, — это Я Самъ, Моя жизнь, какъ подвигъ любви и саможертвы за всѣхъ людей или даже за весь міръ) завѣта (съ тѣ тѣ: или безъ то *νΒ* др. иѣк. 33 др. кровь завѣта, кровь завѣтная Исх. 24, 8, др: это есть кровь Моя — кровь *Нового Завѣта* АСД др. Мин мн Лат Вг Копт Сир всѣ Ир Ор Кипр ср. Іер 31, 31 сл. Ди. 3, 25; 7, 8; 1 Кор. 11, 25; 2 Кор 3, 6. 14 Гал. 4, 24 Евр. 8, 6—8; 9, 15, 20; 10, 29; 12, 24; 13, 20) кровь за или о (*περὶ* Д и иѣк *ὅπερ*) многихъ (назначаемая для спасенія всѣхъ людей и всего міра, въ особенности же вѣрующіхъ ср. 1 Тим 4, 10 Ін 1, 7 др.) изливаемая въ оставленіе (для оставленія) греховъ (т. е. это Я Самъ, устанавливающій Новый Завѣтъ подвигомъ своего вочеловѣченія, жизни въ образѣ человѣка—раба и даже крестной смерти: ср. Филипп. 2, 5 сл.). Говорю же (или: и, но говорю) вамъ: (что—разночт) не (или точнѣе: отнюдь не) буду пить отсель (отъ теперешняго часа) отъ сего плода винограднаго (вино этой чаши или вообще вино пасхальной вечери Ветхаго Завѣта, замѣняемаго Новымъ Завѣтомъ крови и тѣла Христовыхъ или Самиимъ Господомъ Христомъ, почему Самъ Онъ не вкушаль на тайной вечери и конечно никогда послѣ — евхаристійныхъ хлѣба и вина) до днѧ того, когда его (вино) буду пить съ вами (какъ) новое (или: новымъ, въ качествѣ новаго, когда будутъ новое небо и новая земля и новый человѣкъ съ тѣломъ духовнымъ, а не душевнымъ: 2 Пет. 3, 18 Апок 21, 1—5 ср. 1 Кор 15, 44 сл,—но по Лк 22, 18, хотя и не во всѣхъ текстахъ, слова эти Господь говорить за второю, предшествовавшею вкушенію хлѣба, чашею,—притомъ вариантомъ: „не буду ъсть ее — пасху, доколѣ исполнится въ царствѣ Божиемъ, т. е. „когда и Самъ Сынъ подчинится Подчинившему Ему все, да будетъ Богъ все во всемъ“ 1 Кор. 15, 28,— не измѣняется существенно смыслъ изреченія у Мѣ) въ царствѣ Отца Моего.

У ев. Марка 14, 22 — 25, какъ обычно, воспроизводится одинаковый съ Матеевымъ типъ евангельского повѣствованія, частію съ буквальнымъ тожествомъ, частію съ стилистическими только измѣненіями и весьма рѣдко съ пояснительными и дополнительными. „И когда (возлежали и ср. ст. 18) *κλι* они (пасхальный ужинъ), взяли (др. приб. *λαγυσθ*)

хлъбъ (одинъ изъ опрѣсноковъ, но нѣк. тог....), благословиъ (нѣк. благословилъ, т. е. сказалъ формулу благословенія), преломилъ и далъ (нѣк: сталъ давать) и иль и сказалъ: возмите (нѣк. приб. съпѣшьте), это есть тѣло Мое. И взялъ чашу (съ то одни, безъ то др. ср. къ Мѣ), благодаривъ, далъ имъ,—и пили изъ нея вѣсъ (такимъ образомъ пейте Ме истолковано въ смыслѣ, что всѣ ученики пили, слѣд. и Іуда, изъ одной, поданной Господомъ, чаші). И сказалъ имъ (В ои.): это есть кровь Моя завѣта (др. Нового Завѣта какъ Мѣ.), изливаемая за (др. о) многихъ. Вѣрю говорю вамъ, что (др. приб: уже) не буду пить (Д и нѣк: не буду продолжать пить) отъ плода винограднаго до дня того, когда его буду пить новое въ Царствѣ Божіемъ.

Тексты ев. Луки неустойчивы. Авторитетное чтеніе излагаетъ такъ 22, 19—20. „И взялъ (λαβόν—при δεξάμενος ст 17 яснѣе отличаетъ принятие отъ взятія; ср. также Лк 2, 28 и 16, 6. 7 Дн 22, 5; 28, 21 съ 6, 4; 9, 16) хлъбъ, благодаривъ (а не благословиъ), преломилъ и далъ иль говоря; (Алекс. код. приб: примите) это есть тѣло Мое, за васъ даваемое,—это дѣлайте въ Мое воспоминаніе. И чашу также (др. и также чашу) послѣ вечери (или ужина—μετὰ τὸ δειπνόν, т. е. послѣ вкушения опрѣсноковъ и пасхи, чашу благословенія—третью, послѣ которой уже прекращалось и запрещалось вкушеніе пищи, а можно было только пить вино) говоря: это чаша—новый завѣтъ (нѣк. нового завѣта) въ крови Моеї (чаща) за васъ изливаемая (т. е. чаша съ виномъ, какъ символъ крови Господа, изливающейся за вѣрующихъ во Христа, за всѣхъ людей и весь міръ,—или спасительного подвига Богочеловѣка въ богооплощеніи, человѣческой жизни, крестныхъ страданіяхъ и смерти ¹⁾).

¹⁾ Въ Славяно-русскомъ: „яже—которая“ неясно къ чему относится: къ „чаша“ или „кровлю“, какъ и въ Вульг. и Лат. qui можетъ относиться и къ calix и къ sanguine. Только у св. Ал. точно и ясно: „си чаша, новый завѣтъ о крови моей, за вы проливаема“. Слова ст. 19—20 отъ го ἥπτερ ἐμῶν διδόμενον до ἐκχυνόμενον опущены въ Д греколат. 5 в Лат. а 4 в и др. нѣк. такъ: et accepto calice gratias egit et dixit (a dicens): accipite (a sumite) hoc et dividete inter vos (a partamini in vobis), dico enim и пр. какъ 18 ст. и 19 ст. et accepto pane gratias egit et fregit (a confregit) et dedit illis dicens: hoc est corpus meum. ст. 21. vetum tamen. Лат. b и e 5 в: 19 et accepto pane (e et accepit panem et) gratias egit et fregit et dedit illis (e eis) dicens: hoc est corpus meum. 17. et accepto calice (e et

Наконецъ Ап. Павель согласно Лукъ 1 Кор. 11, 23—25: „Я принялъ отъ Господа (*ἀπό*, по DE *παρά*, можетъ быть надо *περί*—о Господѣ), что и предалъ вамъ, что Господь Иисусъ въ ночь, когда былъ преданъ, взялъ хлѣбъ и, благодаривъ, преломилъ и сказалъ: (иѣк. приб: возмите, ядите) это—Мое есть тѣло за васъ (др приб: преломляемое, ломимое), это дѣлайте въ мое воспоминаніе. Такжѣ чашу послѣ вечери, говоря: сія чаша—новый завѣтъ есть въ Моеї крови, это дѣлайте, когда бы ни пили, въ Мое воспоминаніе“ (А опуск. послѣднія слова съ „когда бы“...). Выразительное *μετὰ τὸ δειπνόν*—послѣ ужина, въ виду *τὸ ποτήριον τῆς εὐλογίας* 1 Кор. 10, 16—чаша благословенія, можетъ указать именно на третью чашу пасхальной вечери, чашу благословенія—кос бераха, послѣ которой уже не вкушалась никакая пища. Но если и не придавать такого значенія выраженню чаша благословенія и видѣть въ немъ только обозначеніе христіанской евхаристійной чаши, а не юдейской кос—бераха (FG: иѣк мин Пеш чит. *εὐχαριστίας*), то и тогда выразительное „послѣ ужина“ отсылаетъ къ чашѣ послѣ вкушения пасхи, т. е. къ третьей или четвертой.

Какое же дѣйствіе имѣла на Іуду пасхальная евхаристійная вечера?

Искарють пережилъ два душевныхъ состоянія и два настроенія по отношенію ко Христу. Они высказались въ двухъ изреченіяхъ Іуды: „я вамъ предамъ Его“ и „погрѣшилъ я, предавъ кровь невинную“ (или „правую“).

Въ процессіи раскаянія Іуды и сознанія имъ своего грѣха преданія крови невинной или правой, евхаристія должна была со всею ясностью поставить предъ взоромъ Іуды правоту Христа въ отмѣнѣ старого завѣта. Синедріонскій судъ надъ Христомъ—образецъ полнаго попранія всѣхъ божескихъ и человѣческихъ правъ въ пользу личныхъ интересовъ судей,—

---

accipit calicem et) gratias egit et dixit: accipite (в приб. hoc et) dividite inter vos. 18. dico enim и пр. Сир. кур и син: 19 и взялъ хлѣбъ и благодарилъ и преломилъ и далъ имъ и сказалъ: это есть тѣло Мое, (что) за васъ (Син приб: Я даю), это дѣлайте въ Мое воспоминаніе (Син приб: 20 а: и послѣ того какъ поужинали) 17. взялъ чашу и благодарилъ (надъ нею) и сказалъ: возмите это, раздѣлите между собою (Син приб 20 б: это кровь Моя, новый завѣтъ) 18. говорю вамъ, что отнынѣ не пью (буду пить) отъ плода сего (Кур приб: винограднаго), пока придѣтъ царство Божіе“. Пеш. совсѣмъ опускаетъ 17—18 ст. А Сир іерус. читается согласно автору греческому, только опускаетъ слово *ἴκχυνθοις* въ 20 ст.

архіерейське пресмыкательство предъ Кесаремъ и его замѣстителемъ и нигилистическое отреченіе отъ Мессіи,—наконецъ нахальное равнодушіе и безчеловѣчный эгоизмъ архіереевъ въ отношеніи къ несчастному предателю—слѣпой жертвѣ увлеченія фальшивой маской святости и убѣжденія заправилъ іудейскою религіею и націей:—все это, какъ увидимъ, должно было снять съ глазъ ослѣпленного и мрачнаго фанатика-изувѣра ту пелену, что закрывала отъ него истину и дѣйствительность. Да, Іуда долженъ былъ понять, Кого, кому и во имя чего предадъ Онъ въ лицѣ Своего Учителя и друга. И если предатель не увѣровалъ въ Новый Завѣтъ, то преданіе Невинной Крови должно было запечатлѣть ему полное уничтоженіе Стараго Завѣта. Теперь Іуда долженъ былъ понять всю правду словъ Христа, что Онъ уже не будетъ ѿсть пасху и пить отъ плода винограднаго за пасхальною вечерею. Пасхи и Стараго Завѣта болѣе нѣтъ..

Кромѣ того, всѣ дѣйствія Господа за пасхальною вечерею ясно показывали въ Немъ знаніе того, что Онъ дѣлаетъ: добровольно и съ сознаніемъ необходимости дѣла Онъ шель на пролитіе Своей Крови и тѣлесную смерть, какъ Агнецъ Непорочный и жертва любви невинная, но необходимая.

Наконецъ не могло остаться безъ всякаго дѣйствія на Іуду и его, хотя и недостойное, общеніе съ Христомъ въ тайнѣ евхаристіи. Жизнь и общеніе съ Тѣмъ, Кто грѣха не сотворилъ,—съ Богочеловѣкомъ Христомъ, въ теченіи Его спасительного служенія, и увѣнчаніе этого общенія прискреннѣйшимъ причастіемъ Его тѣлу и крови, Его богочеловѣческой личности,—привели Предателя не только къ раскаянію, къ признанію „невинной или правой крови“ во Христѣ, но и къ такому самосуду и къ такой самоказни, строже коихъ не знаетъ человѣческій судь. Это таинственное общеніе съ Первоисточникомъ правды и добра содѣжало то, что Іуда, по выраженію Амвросія Медіоланскаго, „хотя и бесплодно, но покаялся и имѣль пѣкоторый стыдъ (совѣсть) признать свою виновность въ злодѣйствѣ, оказавшись лучше безстыдныхъ іудеевъ (архіереевъ), кои хотя и обличались исповѣданіемъ предателя, однакоже не считали себя виновными въ злодѣйствѣ“ ¹⁾). Предатель убѣдился въ томъ, что

¹⁾) *Expositio in Lucam, lib. X с. 94,—juxta ed. Bened. Par. 1836, t. 3 p. 121. б.*

онъ согрѣшилъ, предавъ Кровь Невинную, раскаялся и заплатилъ жизнью за жизнь. Это—дѣйствие хотя и недостойного и мимолетнаго, но таинственно-живого взаимообщенія Іуды съ Богочеловѣческою Главою тѣла Церкви Христовой, общеніе—не въ жизнь и блаженство, но въ судъ и смерть, по слову Апостола (1 Кор. 11, 29—30).

Но такое дѣйствие на Іуду евхаристійная тайна Христова возымѣла уже послѣ того, какъ предатель увидалъ всю бездну своего паденія и весь ужасъ своего заблужденія. До того же времени онъ какъ слѣпецъ шелъ торною дорогою общеіудейскаго заблужденія къ неизбѣжной гибели. И всѣ слова и дѣйствія Христа на пасхальной вечерѣ, какъ и умовеніе ногъ, только сильно увлекали Искаріота по наклонной плоскости къ гнусному злодѣйству преданія.

Пасхальная вечеря служила воспоминаніемъ Завѣта Іеговы, заключеннаго съ народомъ избраннымъ, въ ночь освобожденія его изъ рабства египетскаго и дарованія ему національно-политической самобытности. Поэтому пасху долженъ быть праздновать каждый правомочный политически евреи, кроме глухонѣмыхъ, безумныхъ, больныхъ, дѣтей и престарѣлыхъ, кто не могъ путешествовать въ Іерусалимъ¹⁾). Обязательное для всѣхъ возлежаніе за вечерою, даже для живущихъ подаяніями, служило символомъ свободы каждого безъ исключенія потомка Авраамова²⁾). Точно также празднованіе пасхи всѣмъ Израилемъ въ одномъ только мѣстѣ, въ Іерусалимѣ, гдѣ былъ единственный для всей націи храмъ, являлось знакомъ народнаго единенія политического и религіознаго³⁾, откуда—товарищества (*φρατrіa*) при совершениіи вечери и даровое помѣщеніе для каждого еврея въ домахъ іерусалимлянъ⁴⁾). За несовершеніе пасхи объявляется истребленіе изъ среды сыновъ Израиля,—нарушающій постановленія о пасхѣ приравнивается къ язычнику⁵⁾. Пасха—праздникъ радости

¹⁾ Второз. 16. 2.

²⁾ См. выше.

³⁾ Тосефта къ Песах. 8. 11 у Переф. 247.

⁴⁾ См. выше.

⁵⁾ Тосеф. Песах. 8, 11 къ Мишнѣ 9, 5—7 Переф. 246 ср. Исх. 12. 18 ср. Babyl. Pesach. Gold 736 Ср. Авотъ III. 11 (12) Переф. IV, 488—499: „кто оскверняетъ святыни (жертвенное мясо), кто пренебрегаетъ праздниками, кто разрушаетъ знакъ отца нашего Авраама (крайней плоти), кто позво-

и веселія, поэтому каждый глава семейства обязанъ не только веселиться самъ, но и употреблять всѣ средства къ увеселенію своей семьи (виномъ, сластями, подарками и под. ¹⁾).

Это была первая пасха, совершенная Христомъ въ общеніи (*φρατρіа*) съ своими двѣнадцатью учениками²⁾). Понятно, съ какимъ чувствомъ должны были ожидать ее ученики, особенно Иуда, какъ горячій ревнитель народности и всѣхъ ея завѣтовъ. Экономъ фратріи, онъ навѣрно не совсѣмъ безучастенъ былъ въ приготовленіи возможной торжественности празднества. Правда, ев. Лука говоритъ только о двухъ ученикахъ, Петре и Иоаннѣ, коимъ Господь даетъ повелѣніе приготовить вечерю въ домѣ неизвѣстнаго хозяина, въ сво-

ляетъ себѣ оскорблять тору,—хотя бы за нимъ числились и тора и добрыя дѣла, лишенъ удѣла въ будущемъ вѣкѣ“, т. е. оказывается какъ язычникъ.

¹⁾ Тосефта Песах. 10, 4 Переф. 255.—Иерус. Гем. X, 1 у Schwab'a, 5, 149 и Вавил. 109. а у Goldschm.

²⁾ По синоптикамъ Христосъ совершалъ только одну пасху, такъ какъ за все время Его общественного служенія упоминается у нихъ только эта пасха страданій и смерти Господа. Въ евангелии Иоанна упомянуты три пасхи. Но первая пасха, что провелъ Христосъ въ Иерусалимѣ (Ин. 2, 13, 23), падаетъ на время, когда еще не были избраны Двѣнадцать (ср. 6, 70), т. е. до насыщеннія народа въ пустынѣ. Вторую пасху когда, были уже избраны Двѣнадцать, Господь, надо думать, провелъ въ Галилѣѣ, слѣд. уклонился отъ совершенія ея въ Иерусалимѣ (Ин. 6, 4 ср. 7, 2). Вмѣсто иерусалимской пасхи Господь совершилъ галилейское насыщеніе народа и произнесъ бесѣду о Себѣ, какъ истинной пасхѣ и истинномъ хлѣбѣ истинной жизни. Наконецъ послѣднюю пасху Господь замѣняетъ установленіемъ евхаристійного таинства Нового Завѣта, тайно тѣла и крови Своего богочеловѣчества. Изъ евангельскихъ повѣствованій не видно, чтобы Самъ Господь вкушалъ горькія травы, соусъ, опрѣсноки, хагигу и пасху и чтобы Самъ Онъ пилъ вино. Какъ Самъ—истинная пасха и истинный Агнецъ, вземлюЩій грѣхъ міра, Онъ, думаемъ, не имѣлъ надобности пить вино и есть травы, хлѣбъ и мясо жертвъ на тайной вечерѣ. По крайней мѣрѣ евангелисты выразительно умалчиваютъ о томъ, чтобы Самъ Господь ъѣль и пиль на вечерѣ, хотя и говорятъ, что Онъ бралъ чашу и хлѣбъ, но предавалъ ихъ ученикамъ. Выраженіе у Лк „очень желалъ Я эту пасху есть съ вами“ можетъ означать: „совершить эту пасхальную вечерю, на которой вкушается пасха“. Важно слѣдующее потому: *οι μὴ φάγω αὐτὸς ἐως*, которое можно простираТЬ и на „этую пасху“, особенно въ параллели съ *οὐ μὴ πίω ἀλλ’ ἄρτι ἐως*. Но у Мѳ и Мк нѣть *ο φαγεῖν τοῦτο τὸ πάσχα*, а только *οὐ μὴ πίω ἀλλ’ ἄρτι* у Мѳ, и усиленіе у Мк *οὐκέτι οὐ μὴ πίω*,—что можно понимать: теперь же, вотъ съ этой вечеріи, включая сюда и ее.

бодной и убранной комнатѣ. Но покупка жертвъ и всего, что надо было для праздника, едвали могла обойтись безъ прямого или косвенного участія Іуды (ср. Ін. 13, 29).

Какъ бы то ни было, но отъ этой первой и единственной пасхи Іисуса съ учениками Іуда могъ ждать окончательнаго побужденія къ совершенію или несовершенію задуманнаго имъ предательства.

Что же встрѣтилъ онъ? Уже начало или предпразнество пасхи могло возмущать національно-религіозный фанатизмъ Іуды. Вечеря открывается не возлежаніемъ свободныхъ чадъ Авраама, мечтающихъ быть господами всѣхъ народовъ, а рабскимъ служеніемъ Учителя и Господа, Мессіи - Царя и Владыки вселенной Своимъ ученикамъ и слугамъ. Господь даже прямо изгоняетъ изъ Своего царства это вожделѣнное для іudeя владычество и княжество: первый и высшій здѣсь, кто болѣе послужить всѣмъ,—владыкою здѣсь является слуга всѣмъ. Затѣмъ вмѣсто радости и торжественности—опять грустные намеки Христа на разлуку съ учениками,—рѣчь о томъ, что Онъ уже не будетъ съ ними пить отъ плода винограднаго до наступленія царства Божія на землѣ. Ожидавшееся всѣми, и Іудою конечно особенно, немедленное открытие мессіанскаго царства и избавленія Израїля (Лк 24, 21 ср. Дн. 1, 6; Ін 7, 3—4) отодвигается въ туманную даль неизвѣстнаго будущаго и надежда на немедленное царство Мессіи замѣняется будущимъ царствомъ Божіимъ.

Наконецъ, и главное, евхаристійная тайна уже не оставляла для Іуды ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что его національно-іудаистическимъ вожделѣніямъ нѣть места въ царствѣ Христовомъ. Отрицательно это выражалось въ окончательной и полной отмѣнѣ старого Моисеева Завѣта, въ уничтоженіи старозавѣтной пасхи, какъ символа завѣта Іеговы съ первымъ избавителемъ—Моисеемъ. Положительно—въ замѣнѣ ветхаго завѣта, завѣта тѣла и крови пасхальнаго агнца, новымъ завѣтомъ тѣла и крови Богочеловѣка-Христа. Такимъ образомъ національно-іудаистическую вѣру въ политического избавителя Христосъ замѣнилъ вѣрою въ Себя и Свою богочеловѣческую личность,—въ Свое тѣло и въ Свою кровь. Но это тѣло есть тѣло, ломкое или даваемое за учениковъ и за всѣхъ людей,—эта кровь есть кровь изливаемая за спасеніе міра. Не политическая апоеоза Израїля

во главѣ надъ всѣми народами земли съ Мессіею-царемъ, а подвигъ страданій, сокрушенія тѣла, пролитія крови и даже крестной смерти Богочеловѣка.

Совершалъ ли Господь обрядъ пасхальной іудейской вечери по установленному чину и евхаристію только присоединилъ къ этому обряду, или же Онъ совсѣмъ не совершалъ пасхи и прямо замѣнилъ ее таинствомъ Нового Завѣта, во всякомъ случаѣ было ясно, что для учениковъ Іисусовыхъ и въ царствѣ Христовомъ нѣть ветхозавѣтной пасхи, националистического торжества и народной гордыни, а есть новая пасха подвига любви до жертвы жизнью. Мы говорили уже, что слова Господа о яденіи плоти и питіи крови Сына Человѣческаго (Ін. 6, 26—71) должны были казаться для іудаистическими настроеннымъ Іскаріота столь же соблазнительными, какъ и для тѣхъ многихъ учениковъ Іисуса, кои отошли отъ Него и уже не ходили съ Нимъ. Но Іуда не ушелъ тогда же. Его болѣе глубокая природа была сильнѣе затронута богочеловѣческою личностію Христа, чѣмъ тѣхъ многихъ учениковъ. Іуда ждалъ разъясненій и не вполнѣ еще довѣрялъ себѣ и первому впечатлѣнію отъ рѣчи Господа о хлѣбѣ жизни. Теперь для него уже окончательно разъяснился смыслъ загадочной рѣчи. Отмѣна стараго завѣта съ первымъ избавителемъ и политическимъ Израилемъ и замѣна его новымъ завѣтомъ нравственнаго подвига страданій для преображенія по образу Христа Богочеловѣка, завѣтомъ преданія тѣла и пролитія крови,—завѣтомъ любви и служенія ближнимъ, а не владычества надъ ними: вотъ смыслъ всей жизни Христа, его дѣлъ и словъ, всего Его богочеловѣческаго лица.

Іисусъ не есть ожидаемый „второй избавитель“,—Онъ—лжемессія. Эта мысль должна была теперь принять въ сознаніи Іуды окончательное, яркое выраженіе и стать неотразимымъ внутреннимъ импульсомъ для его воли. Лжемессія долженъ быть преданъ тѣмъ, кто повидимому высоко держалъ знамя национализма іудейскаго и, какъ казалось издали, строго хранилъ завѣты этого национализма и святыню народности израильской. Несчастный еще, не зналъ, какъ призрачно было это знамя и какъ изветшалъ этотъ национализмъ въ обманномъ фанатизмѣ сторожей его.

3.) Указание на предателя: *Ме 22, 20—25 Mk 14, 17—22 Лк 22, 20—24 Ин 13, 11, 18—19. 21—30.*

Слова Господа: „это есть тѣло Мое, за васъ даваемое (ломимое)“ и „это есть кровь Моя Нового Завѣта, за васъ изливаемая“ послужили внутреннимъ импульсомъ для предательства Іудина, въ качествѣ обще-принципиальной, такъ сказать, основы злодѣйства. Внѣшнимъ, болѣе частнымъ и личнымъ, толчкомъ были указанія Господа на предателя во время тайной вечери.

„И когда тѣли они (возлежа, пасхальный ужинъ,—вкушаль ли яства и пиль ли вино Самъ Господь, неясно,—яденіе предполагается между второю и третью чашами), сказалъ (Н: говорить): вѣрно говорю вамъ, что одинъ изъ васъ предастъ меня. И скорбя сильно начали говорить Ему по одиночкѣ каждый (др: каждый изъ нихъ): не я ли это (буквально: нечто или развѣ я это), Господи! Онъ же въ отвѣтъ сказалъ: погружавшій (или: обмакнувшій, опустившій, Д: погружающій ємѣрѣлтѡ—погружаю глубоко: ср. Pesach. 115 а—б Gold. 726: латукъ надо погружать или обмакивать глубоко въ харосеть, чтобы смягчить ъдкость горькихъ травъ) со Мною руку въ блюдѣ (съ соусомъ „харосет“) онъ Меня предастъ. Но (это предаваніе есть дѣло божественнаго совѣта, открытаго въ писаніи,—Д и нѣк: итакъ) Сынъ Человѣческий идетъ (соответственно тому, въ исполненіе того), какъ написано о Немъ. Горе же человѣку тому, чрезъ кого Сынъ Человѣческий предается,— (Д и нѣк: приб: посему) хорошо (халбѡ, а не агадѣонъ, т. е. не съ нравственно-принципиальной, а съ жизненно-практической точки зрѣнія: съ первой—всякое рожденіе есть благо—агадѣонъ, со второй—не всякое рожденіе оказывается хорошимъ—халбѡ въ жизненномъ круговоротѣ) бы было ему, если бы не родился человѣкъ тотъ (его жизнь оказалась несчастною, погибельною: это—весьма употребительное въ іудейской литературѣ изреченіе въ формулахъ¹⁾: хорошо или лучше, чтобы не родился, не приходилъ въ міръ, не приходилъ на свѣтъ этого міра, не былъ созданъ, не быть въ этомъ мірѣ). Отвѣчавъ же (въ

¹⁾ Chag. 11.б, Berakh. 17.а, Erub. 13.б др. см. Wünsche, Neue Beiträge S. 328 и 404, Schoettgen, Horae ad Math. 26. 24. Ср. Ме. 18, 16 и парал. или: „лучше умереть, чѣмъ лечиться у кудесника“ Schabb. XIV, 4 ср. Ier. Ber. 1, 2 у Delitzsch'a, Horae ad h. 1.

отвѣтъ и.) *Іуда, предающій Его* (уговорившійся съ архіереями и о мѣстѣ, времени и способѣ преданія Господа), *сказалъ: не я ли* (это, неужели это я, развѣ, нечто это я?), *Учитель?*—*Говоритъ ему: ты сказалъ* (формула¹) употребительного у іудеевъ утвердительного отвѣта: ср. Мѳ 26, 64).

Въ психологическомъ отношеніи важно отмѣтить употребляемое Іудою здѣсь и послѣ при преданіи (ст. 49) „*разви-учитель*“ вмѣсто „*жѣре*—Господи“ другихъ апостоловъ. Извѣдѣніе двухъ обычныхъ почетныхъ названій: „Господь“ и „Учитель“, второе болѣе соотвѣтствовало тогдашнему душевному состоянію предателя, утратившаго вѣру въ Іисуса, какъ въ Мессію. Это соображеніе уполномочиваетъ насъ въ различіи названій Христа другими апостолами и Іудою видѣть указаніе именно на невѣріе Іуды въ Іисуса какъ Мессію.

Въ изложеніи Матея остается неяснымъ: а) одновременно ли и сразу каждый ученикъ, и среди нихъ и Іуда, обратился къ Господу съ вопросомъ, такъ что въ общей сумятицѣ отвѣтъ Господа Іудѣ: „ты сказалъ“ могъ оставаться не замѣченнымъ учениками?—б) словами „погрузившій со Мною руку въ блюдѣ“ указать ли Господь лично на Іуду, или же выразилъ только то, что Его предатель находится среди вечерявшихъ и есть одинъ изъ участниковъ вечери (варіантъ: „погружающій“, сотрапезникъ)?—в) и отвѣтъ Господа: „ты сказалъ“ слышали ли всѣ апостолы или же одинъ только Іуда, и притомъ—до евхаристіи или послѣ въ самомъ концѣ вечери, такъ что Іуда могъ немедленно послѣ этого отвѣта удалиться изъ комнаты?

Отвѣты на эти вопросы находимъ у другихъ евангелистовъ. Такъ ев. Маркъ, въ общемъ излагая текстъ Матеевъ, однакожъ видоизмѣняетъ его такъ, что устраивается личное указаніе Господа на Іуду. „И когда возлежали они и ѿли. Іисусъ сказалъ: вѣрно говорю вамъ, что одинъ изъ васъ предастъ Меня, ядущій (NACD др. всѣ, но В Саг Копт: „ядущихъ“) со Мною. Начали скорбѣть и говорить Ему одинъ по одному: не я ли (Алекс. кол. приб: „равви“), др. приб: „и другой: не я ли“). Онъ же сказалъ имъ: одинъ изъ двѣнадцати, погружающій со Мною (др. приб. „руку“) съ (др. приб. „одно“) блюдо, потому что (преданіе есть исполненіе боже-

¹⁾ Schoetlg. ad h. l.

ственного совѣта) Сынъ Человѣческій идеть (Д предается), какъ написано о Немъ. Горе же человѣку тому, чрезъ кого Сынъ Человѣческій предается. Хорошо бы ему (др. приб. „было“) если бы не родился человѣкъ тотъ“. „Одинъ изъ двѣнадцати, погружающій (настоящее и обобщающее, вмѣсто аориста однократнаго, частнѣе указывающаго на дѣйствіе единичное и единичнаго лица) со Мною (руку) въ (одно) блюдо“ и опущеніе вопроса Іуды и утвердительного отвѣта Господа ясно даютъ видѣть, что евангелистъ разумѣеть только общее указаніе Господа на предателя, какъ на одного изъ участниковъ вечери.

По Мѣ и Мк это указаніе на предателя изложено ранѣе евхаристії, притомъ у Мѣ Господь, повидимому, лично указалъ на Іуду. Но въ такомъ случаѣ остается необъяснимымъ у Мѣ отсутствіе выразительного указанія на немедленное удаленіе предателя, ибо дальнѣйшее присутствіе его было бы непонятно. У Мк. съ устраниеніемъ личнаго указанія на Іуду въ словахъ Господа дальнѣйшее пребываніе Іуды хотя и не представляется страннымъ, но все же вызванное ими смущеніе и переполохъ среди учениковъ кажутся нѣсколько не современными.

Болѣе точное хронологическое расположение событий вечери даетъ ев. Лука, излагающій это указаніе Господа на предателя послѣ евхаристійной чаши. „Впрочемъ вотъ (нѣк. оп.) рука предающаго Меня со Мною (нѣк. оп.) за столомъ (на столѣ), потому что (ср. къ Мѣ и Мк—*бти* *NBDgr.* др. *хай*—А и мн., а нѣк. оп.) Сынъ Человѣческій по опредѣленному (по Божію опредѣленію, объясненіе къ Мѣ и Мк: „по написанному“,—нѣк. приб. „Ему“) идетъ, однакожъ (не смотря на то, что это было дѣломъ божественнаго опредѣленія и стояло вѣнѣ и выше человѣческой власти) горе человѣку тому, чрезъ кого предается. И они начали спрашивавъ у себя самихъ (нѣжду собою) о томъ, кто бы изъ нихъ это могъ сдѣлать“. Такимъ образомъ не только устраниено личное указаніе на Іуду, но и вопросы смущившихся учениковъ обращены не ко Христу, а другъ къ другу.

Авторитетное и дополнительное поясненіе къ этимъ сообщеніямъ даетъ Іоаннъ. Синоптическое однократное указаніе Господа на предателя, оказывается по Іоанну, было троекратнымъ. Сначала, предъ вечерю, при умовеніи ногъ Петра,

Господь сказалъ: „и вы чисты, но не всѣ“. Это указаніе на предателя было столь прикровенно, что евангелистъ находить нужнымъ сдѣлать пояснительное къ нему примѣчаніе.

Потомъ, уже во время самой вечери („когда они возлежали и вѣли“ ср. „ядущій со Мною“), Господь далъ нѣсколько болѣе ясное указаніе. „Не о всѣхъ васъ говорю Я: (др. приб. ибо) знаю, кого избралъ Я (ср. 6, 70). Но дабы писаніе исполнилось: ядущій со Мною хлѣбъ поднялъ на Меня пяту свою (Пс. 40, 9, очевидно соотвѣтствуетъ синоптическимъ: „одинъ изъ васъ, ядущій со Мною,—обмакивающій со Мною въ блюдо,—рука предающаго Меня со Мною за столомъ“). Теперь же говорю вамъ, прежде события (прежде, чѣмъ сбылось), дабы вы увѣровали, когда будетъ, что это Я (о Комъ говорить Писаніе). Вѣрно-вѣрно говорю вамъ, принимающій, кого (если) Я пошлю, Меня принимаетъ, а Меня принимающій, принимаетъ Пославшаго Меня“. Это—второе указаніе, во время пасхальнаго ужина, между второю и третьею чашами. И это указаніе, какъ и первое, гораздо менѣе опредѣленно и ясно, чѣмъ содержащееся у Луки и Марка, не говоря уже о Матеевѣ.

Наконецъ третье указаніе, уже послѣ вечери (у Луки), сходствуетъ въ общемъ съ синоптическими изложеніями. Кроме того, въ частности, Иоаннъ сообщаетъ объ одномъ эпизодѣ, раскрывающемъ, какъ надо понимать разсказъ ев. Матеева о томъ, что Господь и лично указалъ на Іуду, какъ на Своего предателя. „Сie сказавъ, Иисусъ возмутился духомъ и засвидѣтельствовалъ и сказалъ: вѣрно-вѣрно говорю вамъ, что одинъ изъ васъ предастъ Меня. И (вотъ—др. оп) озирались другъ на друга ученики, недоумѣвая, о комъ говорить“. Это соотвѣтствуетъ изложеніямъ Марка и Луки. Но далѣе дается пояснительное дополненіе и къ Матееву личному указанію Господа на Іуду, какъ на Своего предателя. Это было такъ: „былъ возлежавшимъ одинъ изъ учениковъ Его у груди Иисусовой, коего любилъ Иисусъ. (ср. Второз. 13, 6. 8. 9). И (вотъ) киваетъ ему Симонъ Петръ и говоритъ ему: спроси, кто это, о комъ говоритъ. Тогда припадши онъ (др. приб. οὗτος, др. οὗτως) на грудь Иисуса, говоритъ Ему: Господи, кто это?—Отвѣчаетъ Иисусъ (др. приб. и говоритъ): туть это, кому Я обмакну (др. обмакнувъ) кусокъ и дамъ (др. подамъ) ему. И, обмакнувъ кусокъ, беретъ (др. оп.) и даетъ

Іудѣ Симонову Искаріоту. И послѣ куска, вошелъ (др. приб: тогда) въ него сатана. И говорить ему Іисусъ: что дѣлаешь, дѣлай скорѣе. Но этого никто не понялъ изъ возлежавшихъ, къ чему сказалъ ему, ибо нѣкоторые думали, такъ какъ ящикъ (съ деньгами) имѣлъ Іуда, что говорить ему Іисусъ: купи, въ чемъ надобность имѣемъ для праздника, или иначимъ чтобы что далъ. И взявъ кусокъ, онъ вышелъ тотчасъ. А была ночь".

Такимъ образомъ въ теченіи вечери Господь не разъ говорилъ объ измѣнѣ среди довѣренныхъ учениковъ своихъ. Но эти рѣчи частію были неясны, а частію ограничивались общимъ указаніемъ на измѣну. Ясно Господь открылъ въ Искаріотѣ Своего предателя только возлежавшему на груди Его любимцу Своему Ioannу Богослову, тихо спросившему Господа о предателѣ, по молчаливому знаку Ап. Петра. Тотъ часъ же послѣ открытія Іуда ушелъ, а сообщилъ ли Ioannъ Петру объ этомъ теперь же, за этою вечерею,—этого невидно. Дальнишная, захватившая все вниманіе учениковъ, трогательно-возвышенная и вдохновенная прощальная бесѣда Господа не оставляла уже мѣста для этихъ частныхъ переговоровъ. Насколько чуждо было всѣмъ ученикамъ подозрѣніе именно Іуды въ измѣнѣ, видно уже изъ молчаливаго знака Петра Ioannу, чтобы узнать объ этомъ у Самаго Господа. Также въ словахъ Господа Іудѣ: „что дѣлаешь, дѣлай скорѣе“ никто не услыхалъ намека на измѣну и всѣ, кроме конечно Ioanna, подумали, что рѣчь идетъ о хозяйственныхъ нуждахъ. Очевидно Іуда вель себя среди общества учениковъ Христовыхъ такъ, что не возбуждалъ никакихъ подозрѣній. Только одинъ Ioannъ Богословъ уже давно прозрѣвалъ въ Іудѣ измѣнника. И это потому, что мессіанская чаянія Іуды, его характеръ, настроеніе, склонности, вся вообще нравственная личность предателя представлялись Богослову отрицаніемъ богочеловѣческаго идеала въ лицѣ Христа: Іуда всегда былъ для Ioanna представителемъ невѣрія, тьмы и дѣвола, а не вѣрующимъ сыномъ свѣта и чадомъ Божіимъ (ср. Ін. 2, 23—25; 6, 64. 70—71), какъ самъ Богословъ и прочие десять учениковъ.

Но для самого Искаріота эти частные намеки Господа на измѣну во все продолженіе вечери должны были служить страшною пыткою, такъ какъ ежеминутно Іуда могъ опа-

саться обнаженія предъ всѣми учениками. Это—то мучительное состояніе, какое испытываетъ преступникъ предъ уликою въ злодѣйствѣ, такъ глубоко и всесторонне изображаемое Достоевскимъ въ лицѣ Раскольникова. Все время Иуда долженъ быть сидѣть, какъ говорится, на иглахъ.

Для предателя не могло оставаться сомнѣнія въ томъ, что Господь знаетъ о его злодѣйствѣ и ежеминутно можетъ по Своему желанію открыть его измѣну. И однакожъ Господь не сдѣлалъ этого. Въ послѣдовавшемъ чрезъ нѣсколько часовъ процессѣ раскаянія предателя это должно было усилить сознаніе Иуды, что преданную имъ невинную кровь Свою Господь проливалъ добровольно, по сознанію необходимости этой жертвы для спасенія людей,—и что Господь исполнялъ здѣсь Свою заповѣдь о непротивлѣніи злу и побѣжденіи зла добромъ. Это было для раскаявшагося предателя новою каплею той Невинной или Правой Крови, что предалъ онъ въ лицѣ своего Учителя.

Но теперь, за вечерею, эти намеки Господа на измѣну на-вѣрно возбуждали въ Иудѣ одно желаніе—поскорѣе уйти отъ пытки и съ нетерпѣніемъ ждать конца вечери. Поэтому, какъ только Иуда получилъ кусокъ, обмокнутый въ соусъ, съ повелѣніемъ Господа, „что дѣлаешь, дѣлай скорѣе“,—Иуда „вышелъ тотчасъ“. Не тѣмъ объясняется эта поспѣшность удаленія Иуды, что онъ былъ открытъ Иоанну, какъ измѣнникъ. Иуда не могъ этого знать, такъ какъ Господь говорилъ съ Иоанномъ тихо. Но Иуда спѣшилъ изъ свѣта во тьму, ему тяжело было пребываніе въ свѣтѣ, онъ торопился привести къ исполненію своей злодѣйской уговорь съ архіереями.

Сатана, вошедшій въ Иуду послѣ поданнаго Господомъ куска, влекъ предателя къ слугамъ сатаны и дѣтямъ отца своего діавола—архіереямъ и начальникамъ (Ін. 44), для осуществленія гнуснаго замысла. Выраженіе это означаетъ, что вліяніе діавола на Иуду изъ области мысли (ср. 13, 2) перешло теперь въ область воли и дѣла. Иуда теперь не только мыслить и желаетъ діавольскаго, но и дѣйствуетъ какъ діаволъ [6, 70]. Сатана овладѣлъ теперь Иудою всепѣло и сдѣлалъ его полнымъ рабомъ своимъ.

„А была ночь“ ¹⁾). Злодѣи, невѣры и сыны тьмы не лю-

¹⁾ Пасхальная вечера продолжалась только до полуночи. „Кусокъ“

бять свѣта (Ін. 3, 19—21) и ходять во тьмѣ, не зная куда идутъ (12, 35—36). Только сыны свѣта и вѣрующіе послѣдователи Христа владѣютъ свѣтомъ жизни (8, 12; 12, 46). Между тѣмъ какъ Іуда, объятый духомъ тьмы, подъ прикрытиемъ ночи, шель къ дѣтямъ діавола совершать гнусное злодѣйство,—въ освѣщенной комнатѣ, по удаленіи сына тьмы, Самъ пришедший въ міръ Свѣтъ открывалъ сынамъ свѣта всесильныя тайны любви и жизни для побѣды добра надъ зломъ.

М. Муретовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

обычно хлѣба, но возможно и мяса. Если это былъ заключительный кусокъ, размѣромъ въ оливу, пасхи или опреѣнока, то надо будетъ признать, что Іуда ушелъ, не дождавшись не только четвертой, но и третьей чаши (благословенія). А въ такомъ случаѣ онъ участвовалъ во вкушении только евхаристійного хлѣба, но не вина, чѣмъ догматически безразлично, ибо какъ въ крови (винѣ) вся жизнь физиологическая, такъ и тѣло (хлѣбъ) заключаетъ въ себѣ и кровь. Возможно, что подъ этимъ кускомъ Іоаннъ Богословъ разумѣетъ евхаристической хлѣбъ (какъ думаетъ Кириллъ Ал.). Выраженіе „послѣ куска вошелъ въ него сатана“ предполагаетъ, что Іуда сѣѣль данный ему Господомъ кусокъ хлѣба или пасхального мяса. Хлѣбу болѣе соотвѣтствуетъ „обмакнувъ“, такъ какъ горькія травы, обмакнутыя въ хоросеть, бились вмѣстѣ съ кусками опреѣноковъ. Но, конечно, возможно и соединеніе травъ, обмакнутыхъ въ соусъ, съ кускомъ мяса.